

АРТУР КАРНЕЛЛИН

СНЕЖНЫЕ ХРОНИКИ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

ПОСЛЕДНИЙ
МАГ ПОЛУНОЧИ

СУДЬБЫ
И ИСТОРИИ

Артур Карнеллин

Снежные хроники

<https://litres.ru/74607114>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Снежные хроники» – сборник рассказов из вселенной «Последнего мага полуночи», раскрывающий прошлое героев, их выбор, страхи и предрассудки.

Истории Мираны Мирай, Сергея Авернина, Яго Урагири, Виктории Перейра, Эдари Менес, Тины де Морген и Сариды Марваджи объединяет одно место – Антарктида и Галдурион.

Это самостоятельный вход во вселенную и возможность снова встретиться с уже знакомыми героями.

Содержание

Вступление	4
Незнакомец среди снегов	7
Последний поезд в Нафаркон	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Артур Карнеллин

Снежные хроники

Вступление

Дорогой читатель!

«Снежные хроники» – сборник рассказов из серии «Последний маг полуночи: Судьбы и истории», расширяющий вселенную основного цикла и позволяющий заглянуть туда, куда сами книги не всегда могли привести читателя.

Эти истории рассказывают о прошлом героев, об их выборе, страхах, предрассудках, ошибках и чувствах – обо всем том, что осталось за пределами основной сюжетной линии. Где-то повествование ведется от первого лица, где-то – от третьего. Такой подход выбран намеренно: каждый рассказ говорит своим языком, соответствующим характеру героя и тому, как именно он воспринимает окружающий мир.

На страницах сборника можно глубже узнать Мирану Мирай и Сергея Авернина, Яго Урагири, Викторию Перейра, Эдарию Менес, Тину де Морген и Сариду Марваджи – персонажей, чьи судьбы так или иначе переплелись с событиями «Последнего мага полуночи».

Все эти истории объединяет одно место – Антарктида. Именно здесь, среди снега и льда, расположен Галдурион, главное государство магов и центр событий основного цикла. Поэтому сборник и получил название «Снежные хроники».

Возможно, это только начало. Когда-нибудь у этих историй могут появиться продолжения – «Песчаные хроники» и «Пепельные хроники», которые позволят взглянуть на мир магов уже с других сторон и еще дальше расширить его границы.

«Снежные хроники» можно читать и как самостоятельное знакомство со вселенной. Для тех, кто еще не открывал основной цикл, эти рассказы могут стать первой дорогой в Галдурион – через судьбы его жителей, их прошлое и выбор.

А для тех, кто уже прошел этот путь вместе с героями «Последнего мага полуночи», этот сборник – прежде всего моя благодарность и возможность еще ненадолго остаться рядом с теми, с кем уже пришлось прощаться. Увидеть их другими. Лучше понять решения, которые когда-то могли казаться странными или неправильными. И, возможно, изменить свое мнение о ком-то из них.

А в рассказе «Тыквенный пирог» вас ждет еще один небольшой подарок – настоящий рецепт того самого пирога из истории. Его можно испечь дома и в буквальном смысле

попробовать вкус мира «Последнего мага полуночи».

Порой одной истории недостаточно, чтобы по-настоящему узнать человека. Поэтому существуют хроники.

С благодарностью,
Артур Карнеллин

Незнакомец среди снегов

Антарктида не молчит. Она скрипит, стонет, дышит ветром – и иногда, как сейчас, приносит с собой человеческий стон.

Мира шла по белой пустоте второй час. Срок патруля истек, путь лежал к дому, но она позволила себе этот крюк: шагнуть за грань разрешенного, чтобы прочувствовать «чужой холод».

Комитет учил их искать следы темной магии, но не учил, как выглядит настоящая зима. Холод не был ей опасен, она не чувствовала его кожей, но внутри, там, где никто не мог согреть, он все еще был чужим.

Снег летел в лицо острой крошкой, ветер растрепал волосы, и Мира позволила себе на миг забыть о долге. В нескольких милях отсюда спала антарктическая станция. Обычные люди. Полярники. Кусочек мира, который был так чужд ей и так интересен. Она почти видела их свет в окнах, почти слышала их голоса.

Но ветер донес не голоса. Это был стон. Обрывистое, рваное дыхание там, где никого не должно быть.

Мира замерла. Цепкий взгляд резанул по горизонту, и в тот же миг она увидела его. Сначала показалось – мираж, игра уставшего воображения. Но нет. Вдалеке, там, где снег валил стеной, бился чахлый огонек. Желтый, дрожащий, будто

живой и... умирающий.

Огонек звал. Или предупреждал.

Она знала: в патрулях такой свет не используют. До станции – мили. И никто не вышел бы сюда с фонарем, чтобы просто оставить его в снегу. Только если он не принадлежал полярникам... тем, кто проходил здесь и уже не мог идти дальше.

Мира сделала шаг. Потом второй.

В Комитете ее учили ловить преступников и гасить темную магию. Но ни один наставник не сказал ей, что делать, если в ледяной пустоте ты находишь не врага. И не мага, а просто человека, которому нужна помощь.

Мира прибавила шаг. Она знала: протокол запрещает. Точно так же, как полярникам нельзя трогать пингвинов, ей нельзя трогать их. Смерть, спасение, потеря – не ее дело. Комитет сказал: «Ты – тень. Тени не оставляют следов».

Но внутри, там, где протоколы лежали мертвым грузом, пульсировало другое: нельзя оставить человека в снегу. Даже если запрещено. Она шагнула увереннее.

Стон повторился. Фонарик моргнул: ярко, отчаянно, будто заметил ее. Будто хотел сказать: «Я здесь, я еще жив» – и погас.

Сердце ударило в горло. Мира побежала.

Снег хлестал по лицу, слепил, но она видела только одно – темный бугорок под сугробом. Почти засыпанный, только верхушка торчала. Она присела, сбрасывая снег руками, и в

ту же секунду услышала стон уже совсем рядом. Резко обернулась.

Оранжевый рукав. Яркий, неправильный, чужой среди белого безмолвия он казался криком. Мира замерла с поднятой рукой. Она готовилась к чему угодно: к темному следу, к ловушке, к преступнику, который притворяется жертвой. Ее учили ожидать угрозу.

Но не этому. Не оранжевой куртке полярника. Человека, который живет в другом мире, где нет магии. Где о ней даже не подозревают.

– Здесь... кто-то... есть? – голос сорвался на хрип.

Мира вздрогнула. Сомнений не осталось. В милях от ее границ, еще дальше от станции – обычный человек. Может быть, умирающий. Отбилась от своих, заблудился, потерял надежду. И она знала: ей нельзя. Но пальцы уже сгребали снег с его плеча.

Он дышал. Куртка, застывшая от снега и мороза, вздымалась едва заметно – так дышит тот, кто уже почти сдался. Капюшон с мехом скрывал лицо, но Мира видела подбородок: короткая борода, в которую впился снег, подтаял и превратился в ледяные сосульки. Губы – синие, потрескавшиеся, но живые. Все остальное – от груди и ниже – уже ушло под снег.

– Я... умер... да? – простонал он. – Ты... смерть?

Мира улыбнулась уголком губ. Сама не зная почему. Может, от нервов. Может, от того, что он назвал ее смертью, а

она всю жизнь училась быть ею для других. Но она продолжала откапывать его. Снег летел в стороны, обнажая ноги в нелепых ватных штанах, массивные ботинки, которые казались легкими, как игрушечные.

Он дернулся, попытался подняться, но она резко положила ладонь ему на грудь:

– Не двигайся.

Голос вышел резче, чем она хотела. Но он замер. И в этом замирании – в том, как он послушался, как поверил – мелькнула надежда. Мира оглянулась. Снежная стена, ветер, темнота, которая стала плотнее, когда погас последний свет. Никого. Ее никто не видит.

Она перевела дыхание и коснулась его подбородка.

Пальцы дрогнули, но не от холода, а от того, что она делала это впервые. Не для дела или Комитета. Для человека. Тепло сорвалось с ее кожи само: незримое, текучее, живое. Оно впиталось в его лицо, и снег на бороде сразу подтаял, скатился каплями на куртку, где мороз тут же схватил их, превратив в тонкий ледяной узор.

Мужчина вздохнул – глубоко, хрипло, как ныряльщик, который вынырнул на поверхность. Рука дрогнула, скинула капюшон, и Мира увидела его лицо.

Она ожидала страха, крика или вопросов. Но он просто смотрел на нее – уставший, обмороженный, с серыми глазами, которые щурились от снега, но не от ужаса. Он моргнул раз, второй, и вдруг его губы дрогнули:

– Ты не смерть.

Мира убрала руку. Пальцы все еще покалывало, будто она отдала что-то, чего не имела права отдавать.

– Нет, – тихо сказала она. – Я гораздо хуже.

Тяжелый вздох сорвался с ее губ – она выпустила его вместе с теплом, которое больше не могла сдерживать. Она нарушила протоколы. И теперь стояла перед выбором, которого не было в инструкциях Комитета. Оставить? Отправить на станцию? Стереть память?

Память – легко. Она умела. Но след? Он расскажет товарищам. Запишет в дневнике. И тогда Комитет узнает. А если Комитет узнает...

– С какой ты станции? – голос вышел грубее, чем она хотела.

Она скривилась. Зачем она так? Он же только что думал, что умер. Но слова сорвались сами – потому что внутри, там, где она прятала страх, вдруг стало тесно от его серых глаз. И этого подбородка, который она трогала пальцами.

– А ты? – переспросил он.

– Я первая спросила, – ответила Мира уже мягче, почти виновато.

Она повернулась к нему – и замерла. Он сидел, опершись спиной на снежный валун, и разглядывал ее. Не как жертва – как человек, который уже не боится. Который понял, что худшее позади. И теперь ему просто интересно.

Мира перевела взгляд на себя его глазами. Легкий плащ

– не для Антарктиды. Растрепанные волосы. Без шапки, без перчаток. Она выглядела так, будто вышла погулять в парке, а не выживала в метели. Для него она была невозможностью.

– «Восток», – ответил мужчина. – Я был уверен, что иду правильно. Но видимо...

– Куда ты шел? – перебила она. И снова поморщилась. Ну почему она не может говорить нормально?

Он усмехнулся – устало, но тепло:

– Ты шпионка, да?

– Нет, – Мира не сдержала улыбку. – Говорила же. Я хуже.

– Ты меня убьешь?

Она отвернулась, чтобы он не видел, как дернулись ее брови. Этот вопрос ударил в грудь сильнее, чем она ожидала.

– Хотела бы убить – оставила бы здесь. В метели.

Тишина. Только ветер. А потом незнакомец добавил:

– Значит, не убьешь.

Мира сглотнула. Внутри, там, где лежали протоколы, вдруг разлилось странное тепло – не магическое, а другое. Она не знала, как назвать это.

Она перевела дыхание. Логика – спасательный круг. Американская станция рядом. Если она доставит его туда, он будет в безопасности. Комитет не узнает. Никто не пострадает.

Но почему мысль расстаться с ним вызывала внутри странное, необъяснимое сопротивление?

– Ты можешь идти? – спросила она, не глядя на него.

– Попробую.

Она протянула руку – не для магии, просто чтобы помочь ему встать. Сама не поняла, зачем. Но когда он потянулся к ней, Мира резко натянула ему шапку на глаза, затянула капюшон, спрятав его лицо.

– Сейчас будет неприятно. Не открывай глаза, – голос дрогнул. Она врала ему. И сама не знала, зачем.

– Я все равно запомнил твое лицо, – усмехнулся он из-под капюшона. – Как тебя зовут?

– Никак, – отрезала она. – Меня вообще не надо звать.

– А с какой ты станции?

Мира застыла. В голове метнулись варианты, но язык опередил мысли:

– Французской.

Она скривилась. Французской? Серьезно? У нее даже акцента нет. Она что, хотела звучать загадочно? Или романтично? Зачем? Все неправильно. Все нечестно.

– Но ты говоришь не по-французски, – он не унимался.

– А ты говоришь? – огрызнулась она.

– Нет.

– Тогда не делай поспешных выводов, – Мира сильнее стянула капюшон на его лоб, чтобы он точно ничего не видел, и замерла.

Куда она его денет?

Американская станция рядом – пять миль, если идти прямо. Можно доставить его туда под покровом темноты. Но у них камеры. И люди, которые заметят девушку без шапки в

метель. Это риск. А если оставить здесь – замерзнет. Она не могла позволить себе еще одно решение, которое убьет его.

Пальцы сжались в кулак. Она прикусила губу, и на языке появился металлический привкус. Если бы брат был здесь... он бы знал, что делать. Он всегда знал. Но брат вернется только завтра, а у нее есть только сейчас.

Она посмотрела в темноту. Дом. Она хотела привести его домой. Туда, где тепло. Где никто не увидит. Где она сможет подумать. Но это – нарушение, за которое – тюрьма без суда. Комитет не прощает таких вещей. Даже ее брат не сможет прикрыть ее, если она приведет человека в их базу.

– Ты... умеешь хранить секреты? – спросила она тихо, почти шепотом.

Он замер под ее рукой. А потом его плечи дрогнули – он усмехнулся:

– Ну, я же не знаю даже твоего имени.

Мира сглотнула. Решение пришло не из головы. Из груди – оттуда, где уже не было протоколов.

– Тогда не открывай глаза, – сказала она.

Нервное движение пальцев – треск, будто воздух разорвали надвое, – и они провалились в тягучую бездну из тьмы и золотых нитей. Мира сжала его плечо, чувствуя, как он напрягся, как судорожно втянул воздух, будто задышался. А потом – тишина. Теплая и звенящая.

Они стояли в узкой прихожей. Пахло деревом – темным, старым, ухоженным. И светом – не резким, не ледяным, а

уютным, как из лампы под абажуром. Совсем не похожим на мертвенный холод станций.

Мира перевела дыхание. Пальцы все еще сжимали его плечо – и она заставила себя разжать их, отступить на шаг.

Она была в шаге от того, чтобы снова сорваться в метель. В шаге от того, чтобы оставить его там, уйти и просто исчезнуть. Или снять с него капюшон и посмотреть в глаза тому, кого привела в дом, где даже она сама не была до конца хозяйкой. Она вдохнула. И, не дав себе передумать, стянула с него шапку, откинула капюшон.

Он зажмурился – резко, будто свет ударил по глазам. А когда открыл, то просто замер. Мира отвернулась, не выдержав его взгляда. Начала торопливо собирать вещи брата – куртку, брошенную на стул, пустую кружку, которую он опять не убрал. Руки дрожали. Она делала вид, что занята, чтобы не смотреть на него.

– Ты... в порядке? – спросила она не оборачиваясь. Голос дрогнул.

Тишина. Потом он выдохнул – долго, с хрипом, будто только что научился дышать заново.

– Я не знаю, – сказал он тихо. – Я не понимаю, что произошло. Мы были в метели, а теперь... – он обвел глазами коридор, и Мира увидела, как дрогнула его рука, когда он коснулся стены. – Где я?

Она повернулась к нему. Он стоял посреди прихожей, бледный, но живой. И смотрел на нее не со страхом, а с во-

просом, который боялся задать.

– Ты в безопасности, – сказала она. – Пока. Но... ничего не трогай, хорошо? Я сейчас... я должна подумать.

Она шагнула в коридор и застыла. Брат. Если он уже вернулся – она не знала, что скажет. Если он не вернулся – у нее есть несколько часов, чтобы решить, что делать с человеком, которого она привела в запретное место.

– Куртку можешь снять, – бросила она не глядя. Губы поджались, и Мира поняла, что не знает, куда деть глаза. – Проходи на кухню, – махнула рукой в проход. – Я... сейчас приду.

И быстро скрылась в темноте.

Щеки горели. Она вжала ладони в лицо, понимая, что краснеет как девчонка. Из-за чего? Он не сделал ничего. Просто стоял. Смотрел. Дышал. Но внутри, там, где она прятала все лишнее, что-то сдвинулось – и она не могла назвать это чувство. Боялась назвать.

Из прихожей донесся звук куртки – он снял ее. Смелый. Или просто замерз до костей и больше не боится.

Мира стянула плащ-униформу. Пальцы замерли на ткани на секунду – она носила ее каждый день, она была ее защитой. Без нее она чувствовала себя почти голой – почти собой. Она поправила волосы, зачем-то откинула прядь с лица и замерла, глядя на свое отражение в стекле.

Потом выглянула в прихожую – и снова скривилась, чтобы не улыбнуться.

Незнакомец стоял в коридоре, опустив глаза в пол. На нем было только термобелье – темное, облегающее, которое так отчетливо рисовало плечи, торс, широкие ноги. Он был выше, чем казался в сугробе. И сильнее. И теперь он прикрывал ладонями что-то внизу живота, будто стеснялся даже собственного тела.

Мира отвела взгляд. Через секунду – снова посмотрела. И поймала себя на этом.

– Тебе нужна другая одежда? – спросила она, стараясь говорить ровно.

– Я... не знаю, – голос его звучал потерянно. – Мне все кажется, что я умер, и это – предсмертный бред. Но... да. Штаны бы. И рубашку, а то в этом... – он оттянул ткань на груди, – тесно.

Мира все-таки посмотрела.

Термобелье действительно сидело в обтяжку. Его фигура – подтянутая, сухая, с твердой линией плеч. Борода – запущенная, но странно шла ему, делала старше. А глаза – серые, теплые – смотрели на нее без страха, без вопросов.

Она заставила себя отвернуться. В груди стало тесно, и она снова вспомнила ту фразу: «Полярникам нельзя трогать пингинов». Она повторяла ее себе как мантру. Но почему-то внутри, на самой глубине, маленький голос говорил: «А ты – не полярник. И он – не пингвин».

– Я найду тебе что-нибудь, – сказала она. – Стой здесь.

И ушла в комнату брата, чувствуя, как он смотрит ей в

спину.

Через несколько минут Мира вернулась с рубашкой и домашними штанами брата. Тот будет зол – она знала. Но сейчас ей хотелось угодить этому человеку. Или просто дать ему почувствовать себя человеком.

Она протянула одежду, отвернулась. Услышала шорох ткани, звук застёжки – и не выдержала. Взгляд скользнул по его спине: широкая, мужественная, с твердыми линиями лопаток. Она задержалась на мгновение дольше, чем следовало, и тут же скривилась, отвернувшись к стене.

Зачем я это делаю?

– Спасибо, – его голос раздался за спиной. – Как раз в пору. Будто сшито для меня.

Мира вздрогнула.

Он сказал это как комплимент. Но она знала: магия не спрашивает разрешения – просто делает. Ее пальцы на секунду сжались в кулак. Он не должен знать.

Она повернулась. Одежда сидела на нем идеально, будто он всегда носил ее. Он смотрел на себя, на рукава, и улыбался – не подозревая, что сказал правду.

Они сидели за столом. Чай был разлит, пар поднимался вверх, и Мира поймала себя на том, что рассматривает его лицо в желтом свете. Он больше не казался ей случайным. Он был... здесь. С ней.

– Как тебя зовут? – спросила она, чтобы нарушить тиши-

ну.

– Тоже не скажу, – ответил он с улыбкой. – Ты не называешь свое, я не называю свое.

– Мира, – бросила она резко и снова поджала губы.

– Мало, – вырвалось у него, и он тут же скривился, будто понял, что ляпнул лишнее.

– Что?

– «И целого мира мало», – выдохнул он. – Фильм про Агента 007... выйдет в следующем году.

Мира смотрела на него с пустым лицом. Он улыбнулся сначала неуверенно, потом шире, подняв бровь:

– Да брось. Ты не могла не слышать про этот фильм. Пирс Броснан. Бонд. Джеймс Бонд.

Она лишь пожала плечами. И в его глазах промелькнуло что-то – не испуг, но удивление. Он отставил кружку и медленно протянул руку через стол:

– Бонд. Джеймс Бонд.

Мира недоверчиво скривилась, но все же пожала ее. Ладонь была теплой, сухой, сильной. Она почувствовала, как его пальцы сжали ее ладонь на секунду дольше, чем нужно.

– Ты не знаешь Бонда, – сказал он уже не шутя. – Ты не знаешь фильма, который знают все. Ты не знаешь простых вещей. Откуда ты на самом деле, Мира?

Она медленно вытащила руку.

– Я сказала тебе: я хуже, чем смерть, – тихо ответила она. – Зачем тебе знать больше?

Он смотрел на нее долго. Серьезно. И вдруг улыбнулся уголками губ – без шутки, без игры:

– Потому что, если ты хуже смерти, значит, я выжил не просто так.

Брат вернулся ночью. Мира услышала звук шагов из своей комнаты и сразу поняла: теперь вопросов будет больше, чем ветра в метели. Она выскользнула в коридор. Бросила взгляд на закрытую дверь гостиной – незнакомец спал. Хорошо. Спящий человек – меньше проблем.

– Привет, – сказала она. – Ты рано.

– Миссия закончилась раньше, – брат ответил сухо, но без злости. Пока без злости. Он снял плащ, потер лицо ладонью, устало повесил куртку на крючок и замер.

Оранжевая куртка. Чужая. Кричащая среди темных вещей Комитета.

Лицо брата изменилось в секунду. Сначала – страх. Потом – холодное понимание. Он повернулся к ней, и Мира, не дожидаясь вопросов, уже шла на кухню. Спорить в коридоре – глупо. Спать в гостиной не даст.

Она села за стол и рассказала все. Сразу, без утайки. Брат бы все равно узнал, а ложь – это хуже, чем нарушение правил. Он стоял, опершись на столешницу, и слушал. Глаза горели, скулы ходили ходуном, кулаки сжимались, разжимались – и снова сжимались.

– Ты не должна была приводить обычного человека в наш

дом, – голос его звучал тихо, но в этой тишине было больше ярости, чем в крике. – Это нарушение всех законов.

– Он бы замерз! – отбивалась Мира. – Я не могла его там оставить.

– Ты только стала помощником Секретаря, принесла присягу и нарушила ее через семь дней. Ты должна была просто пройти стажировку. Просто сделать свою работу.

– Я и сделала, – перебила она. – Я нашла человека, который умирал, и спасла его. Это не работа?

Брат замолчал. Посмотрел на нее – долго, тяжело. И Мира вдруг увидела в его глазах не только злость, но и страх. За нее.

– Ты подставила под удар всех, – сказал он тихо. – Себя. Меня. Наш дом.

– Мы сотрем ему память, – умоляла она. – Завтра же. Я отведу его на станцию, он не вспомнит ни меня, ни этого места.

– А если что-то пойдет не так? – он шагнул к ней. – Если он что-то запомнит? Если он расскажет своим?

– Не расскажет, – Мира подняла на него глаза. – Я не позволю.

Брат тяжело выдохнул. Отвернулся. И когда заговорил снова, голос его был жестким, как лед:

– Если он узнает что-то лишнее – я сам его убегу. Ты поняла меня?

Мира сглотнула. Кивнула.

– Не спускай с него глаз, – сказал брат. – Никому не открывай дверь. Завтра я скажу, что ты больна. И если я увижу хоть что-то подозрительное, Мира...

– Ничего не случится, – сказала она, встала и вышла из кухни. Но перед тем, как уйти в свою комнату, она заглянула в гостиную.

Незнакомец спал. Руки раскинуты в стороны, будто он бежал во сне. Одеяло сползло, и в теплом свете ночника снова проступала линия его плеч, его груди. Мира замерла в дверях.

«Не спускай с него глаз» – сказал брат.

Она не сдвинулась с места. Но она знала: она уже не спускает. И смотрит не так, как нужно, а дольше, чем следовало. И поняла это слишком поздно.

Она сделала шаг вперед. Потом еще один. Ее пальцы коснулись края одеяла – она хотела поправить его, укрыть его плечи. Но замерла. Ее рука зависла в воздухе над его плечом.

Она не посмела.

Тихо, на цыпочках, Мира вышла из гостиной и закрыла дверь. В груди колотилось, и она не знала, от чего сильнее: от страха перед братом – или от того, что ей так отчаянно хотелось коснуться его снова.

Утро. Завтрак.

Мира смотрела, как брат ковыряется в тарелке, и впервые за много лет не видела его аппетита. Он даже недоел омлет

– а ведь раньше всегда просил добавки. Сегодня он стоял у входа, уже в плаще, сжав челюсти, и смотрел на незнакомца так, будто видел в нем угрозу.

А тот, наоборот, вальяжно уплетал омлет, запивая его кофе, и выглядел так, будто ночевал здесь всю жизнь. Мира сидела напротив и почти не ела. Она знала: это, возможно, последний раз, когда она видит его живым. Последний раз, когда чувствует это странное тепло внутри.

– Как, ты говоришь, тебя зовут? – голос брата был жестче, чем она привыкла. Слишком жесткий.

– А я не говорил, – спокойно ответил незнакомец, отпив кофе. – А вы двое...

– Он мой брат, – мягко перебила Мира. – Старший.

– С какой ты станции? – брат не унимался.

– «Восток», – мужчина улыбнулся. – Российская станция. Строим новые модули. А вы с какой?

Мира и брат переглянулись. Тишина. Они не знали, что сказать. И незнакомец, кажется, понял это раньше, чем они открыли рты.

– Я никому не скажу, – сказал он тише. – Если вам запрещено – не говорите. Вы похожи... – он перевел взгляд на плащ брата, на его строгую, не по-антарктически легкую одежду. – А в таком вообще ходят здесь? Вы не мерзнете?

Брат шагнул ближе. Голос его стал ниже, и Мира узнала этот тон – он не злился, он боялся.

– Так. Доедай, и мы отправляемся к твоей станции.

– Он еще не окреп! – вырвалось у Миры раньше, чем она подумала. Ее рука сама собой скользнула по столу и сжала пальцы незнакомца. Она почувствовала его тепло, его кожу – и в ту же секунду отдернула руку, будто обожглась.

Но он посмотрел на нее. Не на брата. На нее. И в этом взгляде не было ни страха, ни вопроса – только понимание. Он видел, как она дрожит. И уголок его губ дрогнул, когда он убрал руку со стола.

– Пусть отлежится еще день, – продолжила Мира, стараясь говорить ровно, хотя голос дрожал. – Он сильно обморозил руки. Если я не долечу его, они могут отняться.

Брат смотрел на нее долго. Потом перевел взгляд на незнакомца. Потом – снова на нее. Челюсти сжались.

– Один день, – сказал он холодно. – Завтра в это же время его здесь не будет. Ты поняла?

Мира кивнула, опустив глаза.

– Я пойду на разведку, – бросил брат, натягивая капюшон. – Никого не впускай. И смотри за ним.

Дверь хлопнула. Тишина стала густой, как мед. Мира сидела, не поднимая глаз, чувствуя на себе его взгляд. И когда она, наконец, решилась посмотреть, он улыбался – не насмешливо, а мягко, будто говорил: «Я видел, что ты сделала».

– Ты в порядке? – спросил он.

– Нет, – честно ответила Мира. И улыбнулась, сама не зная зачем.

Брат ушел сразу после завтрака, оставив Миру наедине с незнакомцем и кучей невысказанных слов. Она стояла у окна и смотрела, как его фигура исчезает в метели, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

– Он всегда такой серьезный? – раздался голос незнакомца у нее за спиной.

Мира обернулась. Он стоял в дверях гостиной, уже одетый в чистую рубашку брата, с взъерошенными после сна волосами и легкой улыбкой на лице. Почему-то эта улыбка сразу разогнала тревогу.

– Он просто переживает, – ответила Мира и улыбнулась в ответ. – За меня.

– Видно, что переживает, – незнакомец подошел ближе и встал рядом, глядя в заснеженное окно. – Ты много значишь для него.

– Он заменил мне отца, – сказала Мира тихо. – После смерти родителей мы остались одни. И он воспитывал меня, защищал от всего. И до сих пор защищает.

– Я заметил, – усмехнулся мужчина в ответ. – Он смотрит на меня так, будто я собираюсь украсть его дочь.

Мира фыркнула и отвернулась, чтобы он не видел, как она покраснела.

Они провели день вместе. Сначала пили чай на кухне, и новый знакомый рассказывал о жизни на станции «Восток».

О том, как по ночам они включают музыку и танцуют в столовой, потому что темнота давит на психику. О том, как его товарищ однажды перепутал тюбик с зубной пастой и майонезом и ел сэндвичи с мятным вкусом три дня, пока не понял. О том, как завели пингвина, который поселился в ангаре и воровал инструменты.

Мира слушала, прихлебывая чай, и чувствовала, как внутри разливается что-то теплое. Она не помнила, когда в последний раз так легко смеялась. Он не знал, что она маг. Не знал о Комитете, Белой Страже, протоколах и запретах. Он просто сидел напротив, жестикулировал, улыбался и делал ее счастливой одной своей историей.

После обеда она показала ему дом – конечно, не все. Только то, что могло показаться обычным. Гостиную с книгами, коридор с фотографиями, маленький внутренний дворик, где было тихо и почти не слышно ветра.

– Здесь красиво, – сказал теперь уже новый знакомый, оглядываясь. – Не похоже на Антарктиду. Скорее, на маленькую усадьбу где-то в Европе.

– Здесь тепло, – ответила Мира. – Это главное.

– Ты не замерзнешь там, откуда ты пришла? – спросил он вдруг.

Она обернулась и посмотрела на него. Он не шутил. В его глазах был искренний интерес.

– Я не чувствую холода, – ответила она, не зная, зачем говорит правду. – Так уж вышло.

Мужчина задумчиво посмотрел на нее, но не стал задавать вопросов. Он просто сказал:

– Значит, ты – кто-то особенный.

Мира не ответила. Отвела взгляд и сделала вид, что рассматривает деревья в снегу.

К вечеру они сидели в гостиной. Новый знакомый листал книгу, а Мира смотрела на него, думая о том, как странно устроена жизнь. Еще неделю назад она не знала его, не знала, что он существует. А сейчас не могла представить, чтобы он ушел. Она знала только одно: мысль о том, что скоро он уйдет, почему-то причиняла ей почти физическую боль. И это пугало сильнее любого нарушения протокола.

– Ты смотришь на меня, – сказал он, не отрываясь от книги.

– Я просто задумалась, – солгала Мира.

– Нет, – он поднял глаза и улыбнулся. – Ты смотришь на меня. И у тебя в глазах этот огонь.

Мира почувствовала, как щеки заливаются краской. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но не успела – мужчина перевернул страницу и вернулся к чтению, будто ничего не произошло.

Она сидела и смотрела в его профиль, чувствуя, как внутри разливается страх и радость одновременно. Ей хотелось, чтобы этот день длился вечно.

– Можно мне принять душ? – спросил новый знакомый, откладывая книгу. – Три дня в метели не прошли даром.

Мира кивнула, стараясь не смотреть на него.

– Иди, я покажу, где что.

Она проводила его до ванной, показала, где полотенца, и быстро вышла, чувствуя, как дрожат руки. Она не знала, почему так нервничает. Он просто принимает душ. Обычный человек принимает душ в ее доме. Ничего необычного.

Через несколько минут она убирала в гостиной и слышала шум воды. Сердце билось быстрее, чем нужно. Она закрыла глаза на секунду, пытаясь успокоиться, но ничего не помогало.

Дверь открылась.

Мира обернулась. Он стоял на пороге – мокрый, взъерошенный, с каплями воды, стекающими по плечам. Полотенце было низко повязано на бедрах, вторым он вытирал волосы. Пар выходил из-за его спины, и Мира почувствовала запах ее мыла – теплого, древесного, с нотками ванили.

– У вас приятное мыло, – сказал он без тени смущения.
– Я позволил себе.

Мира не ответила. Она смотрела на него – на влажную грудь, на воду, стекающую по ключицам, на то, как он вытирал голову, и почему-то не могла отвести взгляд. Мира почувствовала, как внутри что-то сжимается. Не от желания, а от внезапной болезненной мысли: она никогда раньше не видела, как выглядит живой человек. Не маг, не боец Комитета, а просто мужчина, который улыбается после душа и говорит «приятное мыло». И этот простой человек был здесь.

Из-за нее.

Он поднял бровь, и она поняла, что замерла.

– Все в порядке? – спросил он.

– Да, – выдохнула она и резко отвернулась. – Я принесу тебе одежду.

Мира скрылась в комнате брата, закрыла за собой дверь и прижалась к ней спиной. Горели щеки, сердце колотилось. Она чувствовала себя подростком, который впервые увидел мальчика без рубашки. Это было глупо. Неправильно. И невыносимо приятно.

Она взяла чистую рубашку, штаны и вышла. Протянула, стараясь не смотреть на него, но, когда он шагнул, чтобы взять одежду, его пальцы коснулись ее руки.

Она вздрогнула.

Они замерли на секунду. Незнакомец держал одежду, Мира держала ее – и оба не двигались. Он смотрел на нее, а она не могла поднять глаза.

– Спасибо, – сказал он тихо.

– Пожалуйста, – почти прошептала она.

И, не выдержав, выбежала из гостиной.

Она стояла на кухне, сжимая край стола, и пыталась унять дрожь в руках. Что с ней происходит? Почему она так реагирует на обычного человека? На того, кого нельзя трогать, с кем нельзя говорить, кого нужно отправить домой и забыть.

Но она не хотела забывать. Ей впервые захотелось остановить время. Хотя бы до утра.

Дверь хлопнула через час. Мира вздрогнула и подняла голову. Она сидела на кухне с чашкой остывшего чая, бездумно глядя в стену. Незнакомец оделся и ушел в гостиную, сказав, что хочет почитать, и она была рада побыть одна – хотя бы, чтобы привести мысли в порядок.

По шагам она узнала брата. Быстрые, тяжелые, сбивчивые – не его обычная походка. Она вышла в коридор и замерла.

Брат стоял, не снимая плаща, с серым лицом, на котором застыло выражение, какое она видела всего несколько раз в жизни. И каждый раз это означало одно: беда.

– Они знают, – сказал он, голос его был ровным, слишком спокойным для того, что он говорил. – Белая Стража уже идет сюда.

Мира почувствовала, как земля уходит из-под ног. В голове стало пусто, только мысль билась, как пойманная птица: «Нет. Не может быть».

– Как? – прошептала она.

– Неважно, – он шагнул к ней и взял за плечи. – Слушай меня. Грузовой лайнер отправляется через пятнадцать минут. Я договорился, чтобы вас взяли. Ты и твой... гость – бегом в порт. Доплывете до Аргентины, а там куда он скажет.

– Но как же ты? – голос ее дрогнул. – Они арестуют тебя.

– Никто меня не арестует, – он усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

Она хотела возразить, сказать, что не оставит его, что они

могут придумать что-то другое, но он уже развернулся и пошел в гостиную.

Мира осталась стоять в коридоре. Слышала его голос – жесткий, командный. И голос незнакомца – спокойный, ровный. Она не разбирала слов, но по тону поняла: брат объясняет ему, что они должны бежать.

Когда дверь открылась, и брат вышел, она увидела в его глазах что-то, чего не видела раньше. Принятое решение. Он уже все решил за нее.

– Иди собирай вещи, – сказал он тихо. – У тебя пять минут.

Мира стояла в коридоре не двигаясь. Слезы текли по щекам, но она не вытирала их. Она смотрела на брата и видела в нем не сурового мага из Комитета, а человека, который вырастил ее, защищал, заменял отца и мать.

– Я не уйду, – сказала она. – Я не оставляю тебя.

– Уйдешь, – ответил он мягко, но твердо. – Ты не оставляешь меня, Мира. Ты спасаешь себя. И его. Если они схватят тебя, они сотрут твою память. Или хуже. Ты никогда не сможешь вернуться. Ни в одну автономию. И ты не должна, если тебе дорога твоя жизнь и жизнь твоего... гостя.

– Но ты – все, что у меня есть, – голос ее сорвался, и она разрыдалась. – Ты – моя семья.

– У тебя есть он, – брат кивнул на дверь гостиной. – Ты смотришь на него так, как никогда не смотрела ни на кого. Я видел это все утро, пока был здесь. Ты уже выбрала. Может,

сама еще не поняла, но выбрала.

Она уткнулась ему в плечо, чувствуя, как его рука гладит ее по голове. Брат обнимал ее так же, как в детстве – крепко, надежно, так, что мир переставал казаться страшным.

Он отстранился и взял ее лицо в ладони. Заглянул в глаза – в те самые, серо-зеленые, которые она унаследовала от матери.

– Будь счастлива, Мира. Ты заслужила это.

Она еще раз прижалась к нему. А потом отошла к двери гостиной, где с сумкой уже стоял тот, с кем ей приходилось убегать. Он смотрел на нее с вопросом, но не спрашивал. Просто протянул руку.

Она взяла ее. Их пальцы переплелись, и Мира почувствовала странное спокойствие.

Она обернулась в последний раз. Брат стоял в коридоре, расправив плечи. Не плакал. Не кричал. Просто смотрел на нее с той улыбкой, которую она запомнила навсегда.

– Прощай, сестра, – сказал он одними губами.

Мира шагнула в золотые нити. Мир сжался в точку – и исчез.

Брат остался один в пустом доме. С кухни доносился едкий запах горелого, но он продолжал стоять, словно с ней ушли все его силы. Он слышал, как за окнами завывает метель, и в груди было пусто. Он не позволял себе думать. Если начнет думать – он сломается. А ломаться нельзя. Он должен

держаться. Ради нее.

Раздался стук в дверь.

Брат выдохнул – медленно, глубоко. Натянул на лицо маску спокойствия. И открыл дверь.

На пороге стояли трое. Их лица были бледными, как зимнее небо, глаза – холодными и ничего не выражающими. Маги Белой Стражи. Они не были жестокими – они просто делали свою работу. Но от этого не становилось легче.

– Мы пришли по подозрению в нарушении Устава, – произнес первый. – Здесь находится человек не из этого мира?

Он посмотрел на них, на их непроницаемые лица и улыбнулся. Той улыбкой, которую тренировал годами, – спокойной, чуть насмешливой, почти равнодушной.

– Я не знаю, о чем вы, – сказал он.

Он поднял руки. Переливающиеся частицы вырвались из его ладоней, устремившись вверх. Закрыли небо, обратив все вокруг во тьму. Взметнулись ввысь и взорвались, рассыпавшись зелено-красной пылью. Северное сияние – самое прекрасное, какое они когда-либо видели – осветило заснеженную улицу.

Все замерли. Смотрели вверх не моргая. А в это время из их памяти уходила она. Младшая сестра. Та, кого никогда не было.

Северное сияние угасло так же внезапно, как и вспыхнуло. Тишина повисла в воздухе, тягучая и неестественная.

Первый проверяющий моргнул. Посмотрел на дверь, по-

том на своих товарищей. На лице его мелькнула тень растерянности.

– Кажется, мы ошиблись, – произнес он медленно, будто проверяя слова на вкус. – Здесь никого нет.

Второй кивнул, потирая висок:

– Ложный вызов. Похоже, кто-то перепутал.

– Пойдем, – сказал третий, уже разворачиваясь. – Даже отчет писать не будем.

Они ушли. Молча, не оглядываясь, их тяжелые шаги затихали в метели. Брат закрыл дверь. И позволил себе рухнуть на пол.

Посмотрел на пустой крючок. Еще утром там висел ее плащ. Теперь крючок был пуст, и никто в мире, кроме него, не знал, почему это больно.

На кухне осталась кружка с трещиной на ободке. Она всегда говорила, что не выбрасывает ее, потому что та помнит первую зиму. Он коснулся трещины пальцем и поставил кружку обратно.

В ее комнате было чисто. Кровать заправлена по-военному. На столе – расческа, в которой застрял тонкий светлый волос. Он долго смотрел на него. Потом сел на край кровати и впервые за весь вечер позволил себе выдохнуть.

Мир забыл ее. Дом забыл ее. Даже люди, пришедшие за ней, уже не помнили, кого искали. Только он помнил.

За окном выла метель. Антарктида снова не молчала.

Он закрыл глаза и прошептал:

– Будь счастлива, сестра.

Последний поезд в Нафаркон

Огонь из старой Zipro горит ровно, будто ничего не боится. Я смотрю на него, держу зажигалку в руках и не чувствую этого жара. Пытаюсь пальцем потрогать пламя, но тщетно – ничего. Эта зажигалка очень старая – она старше меня, и все такая же, какой была, когда я получил ее в подарок. Но вот я – уже другой. Совершенно. Как же странно: вещи остаются прежними, а мы, глядя на них, понимаем, как изменились.

Наливаю крепкий виски в бокал. Лед не нужен, напиток и так холодный. Как и все в этом помещении. Глоток. Обжигает. Неприятно обжигает. Отец всегда любил пить именно это. И вот теперь пробую его я. Но мне не нравится.

– Огонек. Так меня звали когда-то, – говорю устало сидящему напротив. Виски ему не предлагаю, он все равно не пьет. Да и тратить запасы отца не хочется.

Ставлю бокал на стол, рядом с зажигалкой. Огонь играет в хрустале, отсвечивает на потолок. Красиво. Только мне это ни к чему.

– Огонек, – продолжаю я. – Так меня звали, и я очень не любил это прозвище. Хотя всегда хотел стать этим «огоньком».

Отворачиваюсь к окну, за которым уже опустилась ночь. В слабом свете фонаря плавно ложится снег крупными хлопьями. Совсем как в тот день.

Мне было шесть. Совсем маленький. Мама говорила, что я вот-вот пойду в школу. Но я не хотел. Не хотел идти в школу, не хотел учиться – хотел только играть с девчонками во дворе. Мама всегда загоняла меня домой. И в тот день, когда мы лепили снежки, она позвала меня.

– Огонек, пора собираться, – услышал я из окна.

Вздохнул. Тяжело. Оглянулся – снег падал крупными хлопьями, девчонки смеялись, кидались друг в друга, и их голоса разлетались по всей округе, хотя совсем рядом чернел лес. Мы не боялись. Ничего не боялись.

Я тщательно отряхнул ноги – как учила мама. Она не любила снег в прихожей, а мокрые вещи всегда вызывали у нее гнев. Я знал это и старался не расстраивать ее.

Дома пахло сухим чабрецом и пирожками. Мама пекла их каждый день, и я всегда пробовал первым. Потому что они – для меня. Но сегодня она сразу сложила их в корзинку и укрыла полотенцем. Неужели я не попробую их сегодня?

Мама уже была одета в свой походный плащ. Темно-зеленый, почти черный, и очень мягкий. Мне нравилось прикасаться к нему щекой, когда она возвращалась с работы. Сейчас плащ был постиран, хорошо сидел на ней – и так удивительно шел к ее волосам. Огненным, ярко-рыжим, почти алым. Они горели на ее голове живым пламенем. И теперь я понимал, почему она звала меня Огоньком. Мне всегда хотелось такие же – ярко-рыжие, чтобы точно быть им. Но мои

волосы были черными, как смоль. Я даже пытался выкрасить их краской для пола.

Мама тогда сильно ругалась и состригла мне волосы почти под корень. Я долго не выходил из комнаты, пока хоть немного не отросли. Надеялся, что новые будут рыжими. Но они все равно выросли черными.

– Мам, а мы не будем ужинать? – спросил я осторожно, потому что не понимал: злая она, расстроенная или просто устала?

– Нет, Огонек, – она остановилась, перебирая в руках мой белый свитер в черную полоску. – Не успеваем. Поезд скоро отходит. Там и поедем.

– Это точно нужно? – спросил я с надеждой.

– Мы уже пообещали, что приедем, – мама улыбнулась. Доброй улыбкой, которая сразу расставила все по местам.

Мы едем в Нафаркон. Мама говорит, что нужно повидаться с отцом. Но я не хочу. Он чужой человек, которого я никогда не видел. Зачем мы должны повидаться сейчас?

Мама продолжала собирать мои вещи. Многие были мне уже малы, и я тогда подумал – она просто отдаст их кому-то. Как это было принято у нас: если кто-то вырастал из одежды, ее отдавали другим. Но в тот день я заметил другое – мама перестала покупать мне новое. И шить сама тоже перестала. А ведь она прекрасно шила, и я был уверен: школьную форму, которая скоро понадобится, она сошьет мне своими руками. Но она даже не купила ткань.

Может, у нас не было денег. Но это не точно.

Когда деньги заканчивались, мама пекла не пирожки – делала оладьи. Немного пресные, но все такие же вкусные. Мы запивали их чаем с чабрецом, макая в черничное варенье. После такого я весь был в синих пятнах, но мама не ругалась.

Да, я пытался выкрасить волосы и этим вареньем. Когда оно высыхало на одежде, оставались красноватые следы. Если бы мои волосы стали такими, я хоть немного походил бы на «Огонька» – хотя бы на угли в печи перед тем, как им погаснуть. Но тогда ничего не вышло.

Поезд. Я очень ждал этого момента – когда увижу эту невероятную махину, о которой мама лишь иногда рассказывала. Что он стучит в такт, что выпускает много дыма и мчится вперед, пока все спят под этот самый перестук колес. Мама никогда не брала меня с собой, говорила, что я слишком мал для поездов. А сейчас, получается, я уже большой?

Мы вышли через черный ход. Тропа вела сразу в лес, но я не боялся. Мы часто сбегали туда, гуляли среди сосен, собирали шишки. Однажды даже видели лису – она пробежала по снегу, как искорка от огня. Я точно помнил, как она остановилась и посмотрела на меня. Даже тогда я отметил, как красиво смотрится ее шерсть – рыжая, яркая, будто кто-то провел кистью с оранжевой краской по белому полотну.

Сейчас мы шли быстро. Мама несла чемодан, который я успел обклеить наклейками в нескольких местах. Старый,

кожаный, он пах поношенной обувью и сырыми бумагами, когда лежал на чердаке. Но стоило маме взять его в дорогу – запах менялся: теплым хлебом и чабрецом, и я навсегда запомнил, что мама пахнет именно так.

Она держала меня за руку, шла прямо, уверенно. Мы торопились – она повторяла это снова и снова. Когда тропа резко повернула влево, за сугроб, я обернулся, чтобы посмотреть на дом. Посеревший и старый, он выглядел уставшим и пустым. Темные окна, чуть присыпанные снегом, казались глазами, которые смотрели мне в след. На крыше скопился сугроб, почти достававший до земли, и это выглядело так, будто кто-то хотел завернуть дом в белую скатерть и забрать с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.